

ГЛАВА 10

МАРИЙЦЫ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В XIX В.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

*Ананий ИВАНОВ,
доктор исторических наук,
профессор Марийского
гос. университета*

Изучение этнической истории народов России, в том числе марийцев региона Поволжья и Приуралья с его исторически сложившимся многонациональным и разнообразным конфессиональным составом населения, предполагает рассмотрение широкого спектра этнокультурных и социокультурных явлений, относившихся к тому или иному историческому периоду. Следует отметить, что в отечественной историко-этнографической литературе до сих пор отсутствует *комплексное освещение* проблемы традиций и новаций в культуре марийского народа в XIX в¹. Этот сюжет и столетие привлекают внимание вовсе не случайно, именно в XIX в. наиболее остро стали проявляться перемены в социокультурных системах жизнеобеспечения и управления. Особенно это касается института волостного крестьянского самоуправления, противостоящего фискально-податному натиску, а также попыткам официальной православной церкви искоренить традиции языческой веры марийцев. Немаловажным представляется рассмотрение конфессиональных процессов, происходивших в марийской крестьянской среде, а также формирования системы начального школьного образования, зарождения марийского просветительства в условиях господства устойчивых элементов традиционной марийской народной культуры.

Разумеется, в рамках предложенного комплексного подхода в данной статье будут освещены наиболее существенные моменты рассматриваемой проблемы.

1. Хозяйственно-духовная жизнь марийцев

Система жизнеобеспечения марийцев в XIX в. включала в себя традиционные земледелие, животноводство, лесные и другие виды крестьянских промыслов и занятий. В совокупности она позволяла обеспечить поступательный рост марийского населения. Если в 1795 г. общая численность марийцев составляла 158 тыс. человек, то в 1858 г. она равнялась 210 тыс., а в 1897 г. – 375 тыс. человек обоего пола. За столетие численность марийцев возросла более чем в два раза².

Причем в 1897 г. луговых марийцев, проживавших в основном в Казанской (Царевококшайский, Казанский, Чебоксарский, Арский уезды) и Вятской губерниях (Уржумский и Яранский уезды), насчитывалось 227 тыс. человек (60,5%). Горных марийцев, расселенных в основном в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии и Васильском уезде Нижегородской губернии, было 43 тыс. человек (11,5%). Численность восточных марийцев в Уфимской (80 тыс. чел.), Пермской (16 тыс. чел.) и Вятской (10 тыс. чел. – Елабужский и Сарапульский уезды) губерниях равнялось 106 тыс. человек (28,0% населения).

Географическое размещение марийцев оставалось почти без изменения. Они по-прежнему занимали обширную территорию Поволжья и Приуралья, от берегов Волги и ее притоков на западе и до реки Белой на востоке. При всем различии среды их обитания и некоторых особенностях диалектов, а также материальной и духовной культуры марийцы считали себя единой этнической общностью – марийским народом – «мары халык».

Горные марийцы компактно проживали на Правобережье Волги и в заволжской части, в Поветлужье. Во второй половине XIX в. они разделялись на небольшие земляческие (по месту жительства) группы. На Правобережье («Кырык сир») проживали «шурмары» (сурские марийцы), «кушыр мары» (Горная Кушерга), «шошмары» (емангашские), «марла мары» (еласы); на Левобережье – «кожла мары» (юксары, ота-

ры, куплонга), «вытла мары» (ветлужские), «ырде мары» (ардинские), «рутка мары» (руткинские) и др. Соседями горных марийцев на Правобережье были «верховые» чуваша (вирьял) и русские, а на Левобережье – луговые марийцы и русские.

Луговые марийцы занимали междуречье Ветлуги и Вятки, бассейн рек Большой и Малой Кокшаги, Илети и Юшута. В XIX в. типичными для обозначения групп луговых марийцев стали названия – «шернур марий», «торьял марий», «ронго марий», «ярань марий», «морко марий», которые были непосредственно связаны с местом их жительства. Соседями луговых марийцев были русские, которые в XIX в. со стороны севера и северо-востока (вятские, яранские, санчурские, уржумские) активно проникали в марийские земли. На юге и юго-востоке луговые марийцы контактировали с татарами и частично с удмуртами. У луговых марийцев были и смешанные русско-марийские и марийско-татарские селения³.

Восточных марийцев, в свою очередь, называли «виче марий», «малмыж мари», «упо мари», «кунгур мари» и т.д. Они проживали как в чисто марийских селениях, так и в смешанных (марийско-татарских, марийско-удмуртских, марийско-башкирских, марийско-русских и др.). В отличие от горных и луговых марийцев, восточные марийцы в культурно-хозяйственном отношении более активно контактировали со своими соседями – татарами, башкирами, удмуртами и другими народами⁴.

Различия в местах проживания и природных условиях сказались на хозяйственных занятиях марийцев разных этнических групп. Однако и в XIX в. все марийские крестьяне продолжали связывать свое благополучие с земледелием и урожайностью своих полей. В первой половине XIX столетия они по-прежнему интенсивно корчевали лес, разрабатывали новую пашню и заселялись на новых местах своими «илемами». На новых полях, как и на старых, вели трехпольный севооборот (озимый и яровой клин, пар). Выращивали рожь, овес, пшеницу, ярицу, полбу и другие полевые и огородные культуры. Развивалось хмелеводство, началось разведение картофеля, местами (у горных марийцев) стало развиваться садоводство (сажали вишни, яблони, сливы). Зерновые урожаи были невысокими. Однако полученного хлеба хватало, чтобы прокормить семью и домашнюю скотину, а часть и сбывать на рынке. Положение в марийском земледелии заметно ухудшилось во

второй половине XIX в. Ни традиционные приемы возделывания земли и привычные орудия труда крестьян – соха («шогавуй»), сабан («сабан», «агавуй»), борона («тырма»), серп («сорла»), коса («сава», «са»), цепь («сапондо») и т.п., ни новшества в орудиях пахоты и боронования (применение борон с железными зубьями), ни селекция и появление новых сортов семян, ни использование веялок, молотилок при молотье зерна не могли обеспечить высокий урожай. Урожайность была низкой. Хлеба едва хватало до весны. Это было связано не столько с примитивностью сельскохозяйственных орудий, сколько с истощением земли. Тонкий слой плодородной почвы, типичный для лесной полосы, к этому времени весь был выпахан. Новых участков для корчевки леса уже не хватало, так как почти все марийские леса были закреплены за казной. Крестьянского скота было недостаточно, чтобы удобрять поля навозом. Марийцы в это время могли удобрять лишь свои огороды, конопляники и ближние полевые участки.

Сильно страдали марийцы и от малоземелья, особенно горные и луговые (за исключением яранских, уржумских, а также восточных). Это произошло из-за того, что их общинные земли были захвачены казной. Сказывался и заметный прирост населения. Число едоков возрастало, а размеры земельных наделов дробились и сокращались. Мешали мелкополосица, чересполосица и сорняки. Безусловно, низкой урожайности крестьянских полей способствовало и приниженное положение марийцев, а также стихийные бедствия (ранние заморозки, суровые зимы, засухи, град, дождливое лето и т.п.), приводившие к гибели урожая и массовому голоду, как, например, в 1891 г.

Тем не менее земледелие для марийцев имело непреходящее значение. Земледельческие работы были образом их жизни. Как отмечали современники в середине XIX в., «главная промышленность у черемис хлебопашество»⁵. Земледельческое производство последовательно включало в себя несколько циклов. Первый этап был связан с весенне-полевой работой. В это время марийские земледельцы готовили сельскохозяйственные орудия труда, проверяли семена и сеяли зерновые яровые культуры. Традиционно свои полевые работы марийцы (преимущественно луговые и восточные – наиболее устойчивые приверженцы языческих верований) начинали с весеннего «праздника сева» – «ага-пайрем». По общинному согласию в одном месте («шелык») сначала

собирались все взрослые мужчины деревни или общины, затем к ним присоединялись женщины и дети. Каждая семья приходила с домашним угощением. Начиналось моление. В молитвах марийские крестьяне-язычники просили у своих богов хорошей погоды, богатого урожая хлебов, прибавления скота и пчел, успеха в хозяйственных работах, здоровья домочадцам, скоту и всей живности. При этом домашних животных в жертву не приносили, довольствовались обычной пищей. Остатки еды уносили домой. Во время моления жители одной деревни выбирали из своей среды человека «с легкой рукой». Ему поручали провести решающую первую борозду. Завершался «ага-пайрем» обрядом изгнания шайтана («сурем»), олицетворявшего злые силы природы, а также песнями, плясками, лошадиными скачками, игрой на качелях и т.п.

Первый сев марийцы сопровождали и стародедовским магическим действием «урлык лукмаш» («вынос семян»). По этому языческому обряду несколько сваренных вкрутую яиц и горбушку хлеба клали в севалку с зерном. Затем глава семьи, сеятель бросал в землю содержимое севалки и приговаривал: «Пусть будут крупными, как яйца». После этого кусок хлеба и одно яйцо он зарывал в землю. Оставшиеся яйца подбирали прибывшие на свой надел члены его семьи. Затем вся семья совершала небольшую молитву. Обращаясь к «матери-земле» («авамланде»), молящиеся просили ее о хорошем урожае. После этого они трапезничали оставшимися яйцами.

Весной марийцы сеяли яровые полевые культуры: овес, полбу, лен, коноплю, ячмень, горох, пшеницу, просо и гречиху. Опираясь на вековой опыт наблюдения за природой и погодой, поведением животных, насекомых, за состоянием растений, марийские земледельцы посев и боронование проводили обычно в самые оптимальные сроки. Землю обрабатывали с большим прилежанием и любовью. Нередко пашню пахали и бороновали дважды.

Летние заботы были связаны с уходом за посевами, вспашкой пара и борьбой с сорняками. В середине июня марийские земледельцы пахали «отдохнувший» пар под озимую рожь и вывозили навоз на поля. Через некоторое время производили вторую вспашку, смешивая пашню с навозным удобрением. Обычно вторая вспашка производилась перед сенокосом. Между первой вспашкой пара и сенокосом марийские язычники-крестьяне устраивали большое летнее моление («кусо кумалтыш»).

Молению предшествовал магический обряд изгнания злых сил природы («сурем»). Затем начинались общие моления с традиционными просьбами об урожае, при этом в жертву приносили домашних животных – десятки голов скота и птицы. Во время «кусо кумалтыш» вводился двухнедельный запрет на все виды домашних и полевых работ. Молящиеся угощались вареным мясом, свежесдобитым хлебом и домашним пивом. Иногда, в случае засухи проводились дополнительные летние моления. Вторая половина лета и осень были самыми напряженными. В это время проводилась жатва и уборка хлеба, которые требовали колоссальных усилий всей крестьянской семьи. Во второй половине июля начиналась уборка озимой ржи. Она сопровождалась языческим обрядом в честь нового урожая «угинде пайрем». Из зерна нового урожая пекли хлеб, затем проводилось семейное моление, на которое приглашали родственников и соседей.

В начале августа вслед за рожью поспевали яровые хлеба, по мере поспевания их убирали серпами. Одновременно возили и скирдовали хлеб, освобождали поле для пастбы скота, молотили зерно нового урожая ржи и засеивали озимое поле. Осенью в погожие дни начинали обмолот нового урожая. Рожь и овес молотили до поздней осени. Обычно перед обмолотом снопы сушили в овинах. Для сушки марийцы использовали как традиционные овины – шиши («марла явун»), так и срубные («рушла явун»). Снопы сушили и в банях.

В страдную пору марийские общинники прибегали к «помочи» («вума», «ума»): во время сенокоса, жатвы и обмолота как деревенские кулаки, так и беднота «за угощение» просили соседей и сородичей оказать помощь. Общинные «помочи» имели место и при других работах. Уборка урожая завершалась традиционным языческим молением и жертвоприношением в священной роще с благодарностью богам-покровителям⁶.

Важную роль в жизнеобеспечении марийцев играло животноводство. Марийские крестьяне Поволжья и Приуралья в XIX в. содержали лошадей, коров, овец, свиней, коз, кур, гусей и уток. В первой половине XIX в. было значительное поголовье животных и птиц. Достаточная обеспеченность марийского подворья тягловой лошадиной силой и мясомолочной продукцией во многом объясняется тем, что для содержания скота имелось немало сенокосов, лесов, перелогов, пастбищ и выгонов. Положение заметно изменилось во второй половине XIX в.,

когда из-за нехватки земли содержать скот стало труднее. поголовье скота и птицы в это время неуклонно сокращалось. Раньше основная масса марийских крестьян имела в своем хозяйстве 1-2 лошади, столько же коров и другую живность. Однако во второй половине XIX в. заметно возросло число безлошадных и бескоровных. Между тем небольшое число зажиточных марийцев имело много скота. Для их содержания деревенские богатеи скупали общинные участки бедноты, арендовали сенокосные угодья и покупали сено. Наличие лошади в марийской семье являлось важнейшим признаком ее хозяйственной самостоятельности. Марийские мужчины тщательно ухаживали за лошадьми. Другой домашний скот (коровы и др.) находились под присмотром женщин и детей⁷.

Традиционные занятия марийцев – охота, рыболовство и пчеловодство – в этом столетии занимали более скромное место. Особенно это проявилось во второй половине XIX в. Марийцы, в основном взрослые мужчины, занимались охотой обычно в зимнее время. Охотились на таких зверей, как лось, олень, медведь, куница, белка, россомаха, лисица, заяц, горностай, дикая коза, рысь, бобр, выдра, норка и др. Для охоты использовали лук и стрелы, копья, капканы, сети, самострелы и все чаще ружья. Били птиц: тетерева, рябчиков, глухарей и другую дичь. Охотничья добыча была несомненным подспорьем для семьи и при уплате податей (особенно у луговых и восточных марийцев). Занятия охотой вырабатывали у марийцев такие качества, как наблюдательность, знание повадок птиц и зверей, выносливость, силу воли, решимость и другие важные качества. В отличие от охоты, продукты рыболовства у марийцев шли почти исключительно на собственное потребление. Речную и озерную рыбу (лещ, голавль, щука, окунь, налим, карась и др.) они ловили бреднями («келде», «претныйк»), сетями («вапш»), мордами из прутьев («воштыр мурда») или ниток («шурто морда), саками («атма», «сак»), острогами («оршака», «сунто»), крючками («энгыр») и с помощью других орудий. Чаще всего использовали сети, что было наиболее эффективно⁸.

Марийцы и в XIX в. сохраняли традиционную любовь и почтительное отношение к «трудолюбивым пчелам», приносящим сладкий мед. Однако значение пчеловодства в их хозяйстве постепенно уменьшалось. Сказывались сокращение общинных лесных угодий, количества липовых деревьев, а также порча бортных деревьев и ульев, кража

меда и другие факторы. Пчеловодство (бортное, ульевое) требовало много времени и затрат, основная часть марийских земледельцев не могла им успешно заниматься. Число пчеловодов среди марийцев сокращалось. Это занятие могли себе позволить лишь состоятельные марийские семьи и иногда середняки. Некоторые из них имели крупные пасеки («мукш отар») – до 180 ульев и колод пчел в лесу и продавали воск и мед на рынке. Во второй половине XIX в. зажиточные марийские пчеловоды стали покупать рамные ульи и медогонку, строить помещения для зимовки пчел и культивировать медоносные растения. Характерно, что все традиционные промыслы сопровождались магическими языческими обрядами⁹.

Женское домашнее ткачество в основном удовлетворяло потребности марийской семьи в одежде и обуви. Часть холста шла на продажу. В XIX в. самостоятельное значение приобрели некоторые другие виды крестьянских промыслов. Большое распространение в первой половине XIX в. получили лесные промыслы. В свободное от земледельческих работ время марийцы, в основном луговые, все чаще отправлялись на лесорубные работы и лесосплав. Они рубили липовый лес и заготавливали лыко и мочало, ткали мочальные рогожи (мешки), циновки, кулье, плели лапти, веревки, канаты, конные и судовые шлеи, выделывали деревянную посуду и домашнюю утварь. На горной стороне помимо прочего марийские ремесленники изготавливали сани, колеса, лодки и паромы. Чаще стали применять сухую гонку смолы и дегтя, особенно в Царевококшайском уезде. Вырученные от этих промыслов деньги были значительным подспорьем для марийской крестьянской семьи.

Часть обедневших крестьян в это время уходила на заработки на отхожие промыслы: они нанимались бурлаками на баржи, сплавляли лес, трудились на купеческих, казенных и крестьянских заводах-мануфактурах, выполняли другие тяжелые работы. За свой труд марийские бедняки получали лишь гроши.

Во второй половине XIX в. лесные промыслы расширились. В это время у луговых и горных марийцев получили развитие обработка дерева, изготовление рогож и кулей, гнутой мебели, плетеных сундуков, корзин и особенно смолокурение. Продукция смолокурения вывозилась далеко за пределы края. Мастера-ремесленники из числа горных марийцев в основном производили гнутую мебель, сундуки, корзи-

ны, плетеные тарантасы, диваны, кресла, стулья, трости и даже гусли. Славились своим мастерством и восточные мари́йцы, они изготовляли тарантасы, сундуки, корзинки, плели соломки из коры дерева, ящики, футляры и т.п. Среди них имелось немало хороших плотников, кузнецов, столяров и портных¹⁰.

Некоторые зажиточные мари́йцы владели небольшими заведениями: красильными, кирпичными, овчинно-дубильными, зерносушильными, колесно-ободными и гончарными, а также водяными и ветряными мельницами и кузницами (с середины XIX в.). В условиях развивающихся товарно-денежных отношений часть разбогатевших мари́йцев занялась посреднической торговлей. Скупка и перепродажа крестьянских изделий и промышленных товаров приносила им немалые барыши.

Обедневшая и разорившаяся небольшая часть мари́йцев добывала деньги на отхожих промыслах. Во второй половине XIX в. мари́йские бедняки были заняты на сезонных и постоянных работах: на лесосплаве, в городах на различных заводах и фабриках, приисках, на распиловке леса, также они работали бурлаками, плотниками, грузчиками на пристанях, занимались извозом, нанимались на сенокос и жатву, уходили плотничать и на другие работы¹¹.

Важным фактором укрепления хозяйственных связей внутри мари́йской общности, а также между мари́йцами и другими народами стало усиление торговли между волостями, уездами и губерниями. Мари́йцы все чаще сбывали свои продукты (рогожи, кули, хлеб, хмель, коровьи кожи, холст, шерсть, телеги, сани, колеса, деготь, пушнину и др.) на ярмарках скупщикам, русским и татарским купцам в Царевококшайске, Козьмодемьянске, Яранске, Уржуме, Чебоксарах и других городах. Часть своей продукции они продавали на еженедельных сельских ярмарках в Ежово, Ронге, Еласах, Покровском. Во всех волостях, селах и городах еженедельно по определенным дням проводились базарные дни, туда стекались и окрестные мари́йские крестьяне. Скупщики-посредники и купцы вывозили мари́йские изделия и сырье (корабельный, строевой и дровяной лес, пушнина, хмель, воск, мочальные изделия, кули, рогожи, циновки, веревки, гнутые мари́йские стулья, сани, телеги, трости) за пределы проживания мари́йцев (в Казань, Нижний Новгород, Пермь, Ирбит, Москву, Санкт-Петербург, Оренбург, Саратов, Царицын, Астрахань). В мари́йские уезды и волости завози-

лись железные изделия, различные фабричные сукна, шелковые и бумажные материи, сахар, чай и проч.¹²

К концу XIX в. традиционное жизнеобеспечение марийцев заметно изменилось, однако натурально-патриархальный уклад жизни оставался определяющим. Средняцкие хозяйства составляли большинство, богатеев и бедноты (без лошади и коровы) среди марийцев было немного.

2. Марийцы в сословно-административной системе Российской империи

По своему социальному положению в XIX в. марийцы относились к категории казенных крестьян. Как и другие соседние крестьянские народы, они находились в прямой зависимости от царской власти. Русскому царю как собственнику государственных земель, на которых проживали марийские крестьяне, следовало платить возрастающие денежные подати, кроме того, приходилось выполнять многочисленные казенные повинности. На местах благополучие марийских крестьян в немалой степени зависело от решений и действий многочисленных царских чиновников, которые проживали в уездных и губернских городах.

За владение землей каждая марийская община обязана была вносить в казну денежные платежи. Деньги в общине собирали с каждого дворохозяина. Размеры ежегодных сборов зависели от имущественной состоятельности. Сосед выручал соседа. Нередко деревенские богатеи, уплатив деньги за бедняков, заставляли их отрабатывать в своем хозяйстве. Основная масса общинников сохраняла свою хозяйственную самостоятельность, но они едва могли сводить концы с концами, так как почти все заработанное тяжелым трудом приходилось отдавать царским чиновникам. Благодаря общинной круговой поруке исправно выплачивались растущие подушные подати и другие денежные платежи. Но немало марийских дворов разорялось, особенно этот процесс расширился в середине XIX в.

Марийцам приходилось выполнять и другие виды казенных натуральных повинностей. Их обязывали содержать в исправности дороги и мосты, а также предоставлять подводы и перевозить казенные грузы,

чиновников, рекрутов, арестантов и т.д. Их заставляли участвовать в постройке казенных зданий, запасных хлебных магазинов (имелись в каждой деревне на случай неурожая), помещений волостных правлений и проч. Также им приходилось нести караульную службу при казацких пикетах, участвовать в тушении пожаров. Нередко они выполняли эти повинности в страдную пору, когда каждый час был дорог. Перенести или временно освободиться от этих тягот можно было уплатив взятки чиновникам¹³.

Тяжелой оставалась и рекрутская повинность. Ежегодно десятки и сотни марийских парней забирали в царскую армию. Рекрутов крестьянские семьи предоставляли по заранее составленному списку. При этом многое зависело от решения общинного схода, рекрутского старосты, волостного головы и волостного писаря. Холостые должны были идти вперед женатых, из одной семьи нельзя было забирать подряд двух человек, единственный подросток, будущий кормилец и глава семьи не должен был идти в армию. От армии освобождались и «лашманы», занятые на тяжелых «лесных» корабельных работах. На деле нередко благодаря подкупу богатеи и многочисленные «семьянистые» хозяева дворов вместо своих сыновей зачисляли в рекрутский набор юношей из малочисленных и обедневших семей. Потеря кормильца или трудоспособного члена семьи тяжело отражалась на этих семьях. Служили на первых порах бессрочно, и домой редко кто возвращался. С введением 25-летнего срока службы, а затем 6-летнего (с 1874 г.) основная масса бывших солдат стала возвращаться домой, их наделяли частью общинной земли, и они вели свое хозяйство. Часть грамотных отставных солдат и нижних воинских чинов (некоторые дослуживались до звания унтер-офицера), особенно во второй половине XIX в., обучали крестьянских детей в школах.

Марийские воины, солдаты и матросы показали замечательные образцы мужества и героизма в Отечественную войну 1812 г., заграничных походах русской армии 1813-1814 гг., в Кавказскую, Крымскую войну 1853-1856 гг. и при обороне Севастополя, в русско-турецкую войну 1877-1878 гг. Многие из них были отмечены наградами. Так, серебряной медалью на георгиевской ленте «За защиту Севастополя» в 1854-1855 гг. за героизм были награждены марийские солдаты, уроженцы Козьмодемьянского уезда: из д. Нуженал – унтер-офицер Е.И.Иванов, рядовые из д. Малые Паратмары – И.И.Ильин, с. Емелево – С.Ро-

манов, д. Цыганово – Н.Е.Ефимов, околотка Верашангер – Т.Захаров и другие¹⁴.

Тяжесть денежных налогов и повинностей усугублялась тем, что марийская деревня испытывала постоянный произвол со стороны царских чиновников. В 1817 г. марийцы Казанской губернии совместно с чувашами подали царю через своих ходоков прошение, в котором содержалось 10930 жалоб. Марийцы жаловались на произвол, поборы, взятки, истязания и «бесконечные лихоимства», творимые над ними чиновниками всех рангов. Во всех уездах свирепствовали «главные начальники уездов» – капитан-исправники. С помощью волостных голов и писарей под угрозой жестоких наказаний они заставляли крестьян собирать деньги на «свои нужды». Громадные взятки взымались при отправке рекрутов. Утверждение исправником каждого волостного головы и писаря сопровождалось взяткой в 400 руб. с каждого. Волостные власти (голова и писарь) и сами наживались, устраивая в свою пользу незаконные денежные поборы. Не случайно у марийцев сложилась поговорка: «Чего бога бояться, ведь бог не писарь!» Не отставали от них и деревенские разорители – коштаны. Судебные разбирательства нередко разоряли и истца и ответчика, мздоимство судей не знало границ. Казенные лесничие («форшмейстеры») не пускали крестьян рубить лес для своих нужд. Лишь отдав требуемые «подарки» можно было рассчитывать на стройматериалы и дрова. Покупка казенной соли и вина обычно сопровождалась обманом. На крестьянах наживались и русские приходские священники. Перечень жалоб был настолько впечатляющим, что царь направил в Казанскую губернию для расследования специальную Сенатскую комиссию. Однако ни эта правительственная комиссия, ни другие сенатские ревизии не смогли искоренить взяточничество и злоупотребления чиновников¹⁵.

Крупный государственный чиновник граф П.Д.Киселев считал, что тяжелое положение казенных крестьян, в том числе марийцев, можно улучшить. Для этого было необходимо провести реформу управления. До реформы П.Д.Киселева 1837-1841 гг., в первой трети XIX в. марийские крестьяне в пределах своего уезда подчинялись административно-полицейской власти капитан-исправника. Он стоял во главе нижнего земского суда и был главой уездного населения. Исправник подчинялся губернатору. Судебными делами ведал судья нижней земской расправы.

Деньги вносили уездному казначею. Указом 1797 г. в казенной деревне, в том числе марийской, были созданы волостные правления. В каждой волости, включавшей несколько общин, насчитывалось до 3 тыс. ревизских душ (около 6 тыс. человек обоего пола). Во главе волости были поставлены волостной голова и писарь, селение возглавлял староста. Для обеспечения порядка выбирали десятских. Сборщики податей собирали деньги в казну. Рекрутские старосты отдавали рекрутов в армию. Смотрители хлебных запасных магазинов (амбаров с крестьянским зерновым запасом на случай неурожая) отвечали за их наполняемость и сохранность. У восточных марийцев в 1798-1865 гг. существовало кантонное управление.

Реформа П.Д.Киселева еще более запутала управление марийской деревней, а число царских чиновников только возросло. По закону 1837 г. марийские крестьяне оказались в ведении Министерства государственных имуществ (вплоть до 1866 г.). Согласно новой структуре управления каждая губерния разделялась на округа, округ – на волости, волость – на сельские общества. Предполагалось, что честные чиновники губернской палаты и окружного управления и разумная правительственная политика будут способствовать повышению благосостояния казенных крестьян и тем самым обеспечат исправное поступление в казну податей и выполнение повинностей, будут введены законность и порядок. На деле произошло ухудшение положения крестьян. Чиновники нового ведомства содержались за их счет, а общие расходы на содержание чиновников (уездных и окружных, губернских и палаты государственных имуществ) возросли вдвое. По своему произволу чиновники новых учреждений не уступали прежним.

Непосредственно марийцев реформа коснулась на уровне волостного и сельского управления. Волостное правление стало органом, с помощью которого окружной начальник (из русских дворян) передавал распоряжения и устанавливал свою власть над марийскими крестьянами. Волость была укрупнена, в ней стало вдвое больше жителей (до 12 тыс. человек обоего пола). Она состояла из нескольких смежных сельских обществ. Волостные органы (сход, правление, управа и расправа) должны были заботиться о сохранности общинных земельных фондов своей волости и решать неотложные вопросы. Волостное правление включало волостного голову и двух заседателей. Марийцы выбирали их из своей среды на сельском сходе, а затем их утверждал окружной

начальник. Волостная управа состояла из того же головы и двух его помощников. Новый орган – волостная расправа как судебная инстанция рассматривала небольшие дела по ссорам, дракам, семейным разделам и подвергала наказанию провинившихся. Обычно члены волостного правления и расправы избирались на 3 года. Однако главную роль играл писарь (обычно из числа русских горожан-мещан), он назначался окружным начальником и чувствовал себя полновластным хозяином правления.

Нижним ярусом местной администрации являлось сельское управление. Каждое сельское общество включало одно или несколько поселений и насчитывало до 3 тыс. человек обоего пола. Органами сельского общества были сельский сход, начальство и расправа. В каждом обществе выбирали сельского старосту, от одного до трех старост, сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, двух «добросовестных» сельской расправы для судебных дел, полесовщиков для охраны казенного леса, пожарных старост и сотских. Старшина возглавлял сельскую расправу и занимался разбором споров, жалоб и проступков крестьян. Как видно, сельский (общинный) сход являлся для марийских крестьян аппаратом царского управления. При этом волостное и сельское управление содержались за счет крестьян, для которых расходы на местное управление по сравнению с прежними возросли на четверть.

Новая громоздкая система управления не смогла ни искоренить злоупотреблений исправников, ни уменьшить натиск новых чиновников. Последние меньше всего занимались хозяйственной, общественной и нравственной жизнью марийцев. Их «попечительная» политика большею частью сводилась к сбору хлеба в запасные амбары, введению общественных запасек на случай неурожая, насильному внедрению выращивания картофеля и т.п. Нередко эти мероприятия сопровождались такими злоупотреблениями и издевательствами чиновников, что это вызывало «картофельные бунты»¹⁶.

Установившаяся система управления марийцами и их социальное положение почти не менялись вплоть до конца XIX в. Источники (законодательные акты, делопроизводственная документация государственных учреждений уездов с марийским населением Казанской, Вятской и Нижегородской губерний) второй половины столетия свидетельствуют, что губернские и уездные административные учреждения во главе с назначаемыми всесильными губернаторами и исправниками, подведом-

ственными Министерству внутренних дел, осуществляли управление подвластным населением, в том числе «казенными крестьянами из черемис», на основе общероссийских законов.

Специфика уездного управления в Марийском крае заключалась не только в усилении власти исправника, ведавшего основными делами в городе и уезде (он возглавлял уездное полицейское управление, различные присутствия по крестьянским, питейным делам, воинской повинности, другие совещательные органы) и действовавшего посредством сети земских начальников, станowych приставов, полицейских урядников, стражников, сотских и десятских. Она проявлялась и в активных преследованиях совместно с церковной властью приверженцев языческих верований.

Общинное самоуправление сельских обществ, реализуемое через общественный институт сельских сходов, выборы должностных лиц (сельского старосты, писаря, сборщика податей и др.) позволяли организовать внутриобщинную жизнь (решать вопросы мирских сборов и расходов, а также поземельно-хозяйственные, раскладывать подати, повинности, осуществлять суд, расправу, опеку над каждым общинником). Усилилась роль сельского общества как низовой административно-юридической единицы, совокупность которых составляла волость. Последняя как вышестоящая административно-территориальная единица являлась своего рода передаточным звеном между марийской общиной и уездными властями. На волостном сходе решались важнейшие дела, на нем присутствовали выборные от сельских обществ. Волостное правление с волостным старшиной, помощником, писарем, полицейскими сотскими и десятскими, судьями и стражниками олицетворяло своеобразное «крестьянско-чиновничье» начало власти.

Дальнейшая централизация и бюрократизация местного государственного управления (земство было слабое, в его ведении находились школы, больницы, статистика, агрономия, дороги, мосты) и социальное расслоение крестьянства не смогли поколебать устоев марийской общины, являвшейся универсальным институтом защиты крестьянских интересов. Она отличалась активностью и динамизмом своих функциональных форм: административно-управленческая, судебно-полицейская, фискально-податная, экономическая, социальная, культурная¹⁷.

Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX в. способствовали укреплению общинной земельной собственности в марийской деревне, закреплению пашни в семейно-наследственную собственность, сокращению срока службы в армии, распространению грамотности среди марийцев, открытию земских и других типов школ и библиотек, врачебная помощь стала более доступной. Вместе с тем возросли налоги, усилилась власть земских начальников, станowych приставов и полицейских стражников, продолжилось наступление государственной православной церкви на марийское язычество.

3. Борьба за идентичность: «картофельные бунты» и всеобщие моления

Усиление в XIX в. социального гнета марийцев вызывало различные формы стихийного протеста. Крестьяне стремились уменьшить бремя казенных податей и повинностей. Во время проведения переписи мужского населения они укрывали от внесения в «ревизские души» для уплаты налогов малолетних мальчиков, седых стариков, убогих, бедных и беглых. Иногда в нарушение царских указов они самовольно на казенных землях скашивали сено, рубили лес, ловили рыбу, охотились на зверей. Нередко марийские крестьяне подавали жалобы царским властям на злоупотребления и произвол, творимые чиновниками. Однако зачастую власти молчали или наказывали самих марийских правдолюбцев.

Доведенные до отчаяния своим безысходным положением, тяжестью податей и повинностей, а также безнаказанностью местных чиновников, крестьяне устраивали стихийные восстания. В середине XIX в. по ряду губерний Российской империи пронеслась волна мощных крестьянских «картофельных бунтов». В них приняли участие и марийские крестьяне Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Поводом послужило принуждение крестьян чиновниками местной администрации к посадке картофеля на «общественных запашках». Однако причины, побудившие марийских, чувашских и русских крестьян взяться за оружие, оказались более глубокими. Марийские крестьяне были недовольны тем, что реформа П.Д.Киселева еще более ухудшила их по-

ложение. В условиях нехватки земель под «общественные запашки» у них отняли самые лучшие участки общинных полей. Принуждение сажать на этих участках картофель вызывало у них неповиновение. Марийские крестьяне считали, что с переводом их в ведение Министерства государственных имуществ они «передаются в личную крепостную зависимость» царских чиновников этого ведомства. Основанием для этого служило вмешательство чиновников в их хозяйственную и общественную жизнь, жесткая регламентация в управлении, весьма частые денежные сборы, каких раньше не было, неимоверное увеличение числа подводных повинностей, невиданные мздоимства и взятки чиновников министерства и земской полиции во главе с исправником, приводившие крестьян к полному разорению.

Стихийное возмущение марийских крестьян началось еще в августе 1840 г. Они отказывались вводить общественные запашки. Сопротивление возросло весной 1841 г. Картофельные десятины появились лишь в некоторых волостях. Крестьяне не возражали против создания запасных хлебных амбаров, но просили, чтобы этот хлеб собирали с каждого дворохозяина, а не со специально отведенных запашек. Власти не прислушались к их просьбам. Осенью 1841 г. – весной 1842 г. отказ крестьян от посадки картофеля и общественных запашек вылился в организованную форму протеста. Во главе недовольных встали грамотные марийские и чувашские отставные солдаты, унтер-офицеры и кантонисты.

Весной 1842 г. развернулось крестьянское восстание, которое носило массовый характер. Среди горных марийцев оно известно как «Акрамовская война» («Акрам вырсы»). В нем приняли участие десятки тысяч марийских, чувашских и русских крестьян. Численность составших в Чебоксарском, Ядринском и Козьмодемьянском уездах составила около 120 тыс. человек. Наиболее активно действовали марийские и чувашские крестьяне Акрамовской, Татар-Касинской, Кожваж-Сигачкинской и Больше-Юнгинской волостей Козьмодемьянского уезда. В мае 1842 г. события приобрели здесь особенно драматический характер. Противостояние крестьян и царских чиновников и войск завершилось большим кровопролитием.

Еще в первой половине мая козьмодемьянский исправник и другие чины пытались вразумить крестьян: ввести запашки и начать сажать картофель. Однако марийцы и чувашаи не только оказали им яв-

ное неповиновение, но и стали угрожать и расправляться с отдельными чиновниками. Последние убегали из селений в город. Исправник вызвал для усмирения непокорных карательные войска из Казани. Между тем разрозненные группы крестьян начали собираться у села Акрамово, которое стало центром восставших, к 19 мая их было уже 8 тыс. человек. В этот же день к селу прибыли первые воинские команды во главе с самим губернатором и управляющим губернской палатой государственных имуществ. Войдя в село с барабанным боем, команда в батальонном строю была поставлена на площади возле церкви напротив бушующей массы. Затем к начальству были вызваны доверенные крестьяне от восставших. После недолгих увещеваний каратели перешли к усмирению крестьян. Вооруженные лишь косами, вилами, копьями и топорами, восставшие оказали ожесточенное сопротивление. Наиболее характерными были лозунги: «Не хотим запашки!», «Жить по-старому», «Повторим времена Пугачева!», «Сабля так сабля, Сибирь так Сибирь!». Но силы были неравными: крестьяне не выдержали натиска казаков и солдат, иные разбежались, некоторые были пойманы. В последующие майские дни между восставшими и карателями произошло еще несколько кровопролитных столкновений. С обеих сторон было немало убитых и раненых. Лишь прибытие новых воинских команд позволило властям усмирить восставших.

Военно-полевые суды жестоко расправились с марийскими и чувашскими крестьянами. Более одной тысячи человек подверглись наказаниям розгами и железными палками, были брошены в тюрьму. Наиболее активных участников восстания сослали в Сибирь.

Подавление восстания не поколебало решимости марийских крестьян оказать сопротивление произволу царских властей и во второй половине XIX в. Новое мощное стихийное движение началось в 1887-1889 гг. На этот раз восстали доведенные почти до полного разорения марийские крестьяне Конганурской, Кичминской, Кужнурской и Кораксолинской волостей Уржумского уезда Вятской губернии. Центром восстания стала деревня Токтарсола Конганурской волости. Ее жители и примкнувшие к ним крестьяне соседних селений и волости оказали упорное сопротивление властям. Они заявили, что непосильные подати и повинности, установленные в 1866 г. и усилившиеся в 1886 г., довели их до полной нищеты, что сборщики отняли у них по описи последнюю скотину, лошадей, коров, птицу, домашнюю утварь

и одежду. Прибывшая воинская команда сурово расправилась с восставшими. Более 150 человек подверглись наказанию розгами, а недоимки были взысканы¹⁸.

Социальное угнетение марийцев сопровождалось насильственной русификаторской политикой. В этих целях русский царизм использовал православную церковь, которая должна была окончательно искоренить языческие верования марийцев. Для насаждения православной веры церковь использовала самые разные методы и средства. Однако эти усилия во многом оказались безуспешными: марийцы (в основном луговые и восточные) остались привержены традиционным языческим верованиям своих предков.

Особенно сильным насаждение государственной православной церкви было в первой половине XIX в. За участие в языческих молениях и обрядах жертвоприношений марийцев подвергали суровым наказаниям. Православные миссионеры и приходские священники, опираясь на военную и полицейскую силу местных исправников, запугивали приверженцев язычества ссылкой в Сибирь и внеочередной отправкой в рекруты, налагали на них большие денежные штрафы, заставляли за свои деньги строить новые церкви. Некоторые жрецы и рядовые участники молений были брошены в тюрьму, подверглись наказанию розгами и плетью. Однако марийцы продолжали молиться своим богам и приносить им жертвоприношения, отказываясь выполнять православные обряды и исповедываться у священника, не знавшего марийского языка. Неповиновение приверженцев язычества властям было массовым. Марийские язычники упорно боролись за сохранение традиционных верований, к ним присоединились крестившиеся ранее марийцы. Они выступили под лозунгом «возврата к старой вере», вере прародителей.

Живучести марийского язычества способствовали многие причины. Среди них – стойкое представление каждого марийца о своем единстве с соплеменниками, говорящими на родном языке. Важным обстоятельством была привычная лесная среда обитания с такими объектами поклонения и обожествления, как священное дерево, мольбище-кереметь и священная роща «кюсото». Сказывался натурально-патриархальный уклад хозяйственной жизни, связанный в первую очередь с земледелием, а также принадлежность марийцев к сословной категории государственных крестьян с их ясачной и языческой ментальностью. Важным цементирующим фактором марийского язычества выступала крес-

тьянская сельская община с ее ценностями: «стоять всем за одного» и «каждому делать то, что делают все, – односельчане и родичи». Бесспорна роль и народной педагогики, воспитательное значение семьи и общины.

Периодически проводимые языческие моления (семейные, деревенские, общинные, родственные, всеобщие) были важным фактором поддержания этнического самосознания марийской общности. В многочисленных священных рощах у марийцев имелись особо почитаемые места, где периодически собирались многотысячные группы из различных уездов и губерний для совершения языческих обрядов. Такой знаменитой «кюсото» была священная роща у д. Кюпрян Сола, недалеко от с. Сернур. Сюда стекались марийские язычники из сорока с лишним селений Уржумского уезда, а также из Царевококшайского уезда Казанской губернии, Малмыжского и Елабужского уездов Вятской губернии и Бирского уезда Уфимской губернии. Большие моления проводились также у д. Варангуш (вблизи с. Морки) Царевококшайского уезда, куда помимо жителей Казанской губернии приходили язычники из Вятской и Костромской губерний. Грандиозные моления отмечались в окрестностях с. Помьялы Чебоксарского уезда, а также в Южской волости Яранского уезда и других местах.

Обычно поводом для очередных больших молений, проводимых через каждые четыре года, было «видение, явившееся во сне» местному языческому жрецу. Выполняя «волю богов», прорицатель заявлял о необходимости устроить моление всем марийским народом в священной роще, называемой всемирной, – «тюня ото» или «тюня кюсото». Эта весть широко разносилась по всей территории расселения луговых и восточных марийцев специальными ходоками, которые собирали представителей разных волостей, уездов и губерний. Во время «всемирного» моления марийские жрецы («мужан», «карт», «юктуч») пользовались не обычным обращением к собратьям – «марий», а особым, используемым только в этих случаях, – «калык-шамыч» (означает «марийский народ как единая семья»). На таких крупных молениях, как, например, в 1827 г. вблизи д. Варангуш Царевококшайского уезда Казанской губернии и в 1828 г. около д. Кюпрян Сола Уржумского уезда Вятской губернии, у марийцев еще более укреплялось чувство солидарности и сопричастности к общенародным интересам¹⁹. Язычество играло важнейшую роль в поддержании этнического само-

сознания марийской общности, не имевшей никакой общенародной организации, кроме религиозной. Весьма примечательно в этой связи высказывание марийских язычников: «Нашу веру кончать – нас кончать». Это свидетельствует об осознании марийцами тесной связи между традиционными языческими верованиями и сохранением своей этнической общности.

Это понимание необходимости поддержания языческих обрядов было характерно и для второй половины XIX в. Немало истинных приверженцев традиционной языческой религии («марла вера») из числа луговых и восточных марийцев продолжали молиться в священных рощах своим богам. В то же время часть марийцев стала придерживаться православной веры («рушла вера»), особенно горные марийцы.

Усиление позиций православия в марийской деревне и некоторое ослабление язычества были вызваны изменившимися условиями. Не достигнув успеха насильственными административно-полицейскими действиями, власти решили использовать более гибкие методы для христианизации марийцев. Наряду с открытием новых приходов, строительством часовен и церквей (в конце XIX в. их насчитывалось свыше ста) более качественно стали готовить священников, был выбран путь постепенного внедрения основ православия на родном языке. Особенно результативной оказалась система профессора Казанской духовной академии Н.И.Ильминского, который выступил против использования насильственных методов христианизации. Были разработаны основы христианского просвещения всех «иноверцев», в том числе марийцев, которые включали разработку марийской письменности на основе русской графики, перевод и издание священных книг, подготовку священноцерковнослужителей и миссионеров из числа самих марийцев, проведение богослужений в церкви на марийском языке, открытие церковно-приходских школ и монастырей. Уже во второй половине XIX в. среди немалой части марийцев получило распространение библейское сказание о первопредках и христианских святых. Священники начали устраивать молебны и на марийских полях. Все больше марийцев стали придерживаться двоеверия, ходили и в церковь, и в «кюсото», молились и своим богам, и Христу.

Новое наступление христианизации в последней четверти XIX в. вызвало к жизни марийское сектантское движение под названием «Кугу сорта» («Большая свеча»). В 1877 г. на крупном молении марийцев в

Юкшумской волости Яранского уезда его руководители – братья Якмановы и другие язычники решили отказаться и от христианства, и от язычества в его тогдашнем виде. Они провозгласили создание новой, «истинно марийской» веры без примеси христианства. Это религиозное движение охватило несколько тысяч человек. Его участники боролись за чистоту веры против христианства, не подчинялись священникам и чиновникам, не посещали церковь, не платили церковную ругу и не совершали христианские обряды. За подобные действия многие «кугусортинцы» подверглись жестоким гонениям. Наиболее активные из них были брошены в тюрьму или отправлены в ссылку²⁰.

Почти одновременно с этими событиями среди горных марийцев заметно активизировалась христианская миссионерская деятельность марийских проповедников. Было открыто несколько монастырей (например, Михайло-Архангельский), послушниками и монахами в которых были исключительно марийцы, ставшие проповедниками православия²¹.

4. Быт, культура и распространение народного образования

Марийцы в XIX в. продолжали жить в сельской местности – деревнях, выселках, околодках, починках и селах (последние появились на марийских землях еще в середине XVIII в. в связи с постройкой церкви). Большинство поселений марийцев располагалось на живописных лесных и открытых местах, вблизи водных источников – рек, озер, ключей, родников, около оврагов и редко у болот. В XIX в. стали осваивать и более возвышенные, водораздельные места. Марийские селения в первой половине XIX в. были малодворными и состояли из одного (илем) или чаще 2-3 дворов. Селений в 20-30 дворов и более было немного. Во второй половине столетия количество среднедворных и большедворных поселений увеличилось. Некоторые деревни (особенно у правобережных горномарийцев) насчитывали 100-150 дворов и более. Это было вызвано ростом населения и сокращением общинных земельных угодий. Тем не менее и в конце XIX в. у всех групп марийцев мелкие деревни преобладали, что было связано с периодическим переселением части владельцев

дворов из отцовских поселений (деревень и сел) на дальние участки общинных владений. На новых местах переселенцы устраивались дворами и основывали починки и выселки, которые обычно получали названия по именам своих основателей.

В XIX в. у марийцев постепенно изменилась планировка селений. В первой половине столетия, как и ранее, они строили свои дома произвольно, без уличной планировки. Часто несколько дворов группировалось вокруг дома родоначальника. Положение заметно изменилось во второй половине столетия. Указами властей была введена уличная планировка деревень, дома стали ставить в уличный ряд. В конце XIX в. у марийцев уже преобладала уличная или улично-квартальная планировка.

Известные как умелые плотники, марийцы строили свои жилища и хозяйственные постройки с помощью топора и других инструментов. В XIX в. стали использовать продольную и поперечную пилу. Марийская усадьба («сурт») включала крестьянский двор и огород с гумнами и огораживалась изгородью («сурт пече»). Двор («кудо-пече») состоял из деревянной избы (пёрт), традиционного марийского жилища – кухни («кудо»), клетей, амбаров и помещений для хранения соломы и сена. Обычно во двор входили через простые ворота, сделанные преимущественно из поперечных жердей («марла капка»). Имелись погреба, а в некоторых дворах – колодцы. Исключительное бытовое и обрядовое значение придавалось бане. Издавна марийцы в банях не только мылись и парились, но и лечились средствами народной медицины, рожали детей (считалось, что здесь обитал дух – покровитель здоровья членов всей семьи), в них совершались языческие магические действия. Баню обязательно топили после похорон покойника, накануне поминок усопших родственников, при приеме гостей. Иногда ее использовали для варки пива, сушки снопов и волокна.

Во второй половине XIX в. марийская усадьба приобрела прямоугольную конфигурацию. Увеличилась площадь огорода. Некоторые строения двора были связаны между собой. Появились срубный («русский») овин и русские ворота. Стали преобладать жилые «белые» избы с печью и дымоходом, хотя курные избы («шем порт») кое-где сохранились и в конце XIX в. Разнообразнее стали внутреннее убранство жилищ и домашняя утварь. У зажиточных марийцев появились самовары, а вместо лучин – керосиновые лампы²².

Основная пища марийцев была растительного происхождения, также употребляли мясомолочные и рыбные продукты. Питались ржаным хлебом, картофелем (с середины XIX в.), редькой, пустыми щами, супом, борщом и кашей. Более разнообразной пища становилась в праздничные дни и во время исполнения языческих обрядов. На столах появлялись пироги небольшого размера с различными начинками («ко-голь»), а также большие пироги («коман кинде»), блины («мелна»), суп с клецками («лашка»), ватрушки («туаткал»), лепешки из пресного теста («шергинды»), пшеничные масляные лепешки из кислого теста («селмагинды»), молоко («шер»), кислое молоко («тарык»), сметана («шербал патыл»), масло («я»), пахтанье («ойрен»), творог («тывырътыш»), сырники («туара»), мясо вареное и копченое, колбаса («сокта»), яйца («муно»), сделанный их ржаной, овсяной и гороховой муки кисель («немыр»), каша («пучумуш»), жидкая приготовленная на молоке яичница («мунын тывырътыш»). Квас («шапы»), пиво («пура», «сыра») и крепкие медовые напитки («пуро») были любимыми напитками марийцев. Некоторым подспорьем были лесные богатства: мясо диких зверей и дичи, земляника, малина, костяника, черемуха, смородина, брусника, клюква, гонобобель, черника, орехи, грибы. Не последнее место в рационе занимала рыба. Белый хлеб, чай и другие покупные продукты и в конце XIX в. были большой редкостью в марийской деревне.

Одежда и обувь марийцев в XIX в. претерпели незначительные изменения. В основном довольствовались тем, что женщины производили своими руками на простейшем прядильном и ткацком инвентаре. Ткали тонкий – шарпанный, толстый – рубашечный и портяночный, а также редкий подкладочный и другие холсты. Шили мужскую и женскую одежду: рубахи («тувыр») и штаны («елаш»). Женские белые холщовые рубахи богато украшали специальными вышивками, подвесками, монетами, бисером, раковинами-коури и т.д. Одежду стягивали поясом. Свое значение сохранил легкий распашной кафтан – «шовыр» белого цвета, который богато орнаментировали вышивкой. «Шовыр» поверх рубахи надевали не только женщины, но и мужчины. В холодное время носили теплый кафтан из домашнего сукна («мыжер»). Зимой невозможно было обойтись без шубы («ужга»). Обычно их носили мужчины, которые чаще других членов семьи работали вне дома и

занимались извозом. Праздничная одежда была более дорогой и красивой, с богатыми орнаментами и украшениями.

Летом мужчины носили белые и черные шляпы, сделанные из войлока («паргыш»), зимой надевали шапки («упш»). Богатеи имели собольи, куничьи и беличьи шапки. Женщины носили платки. Повседневной обувью у марийцев были лапти («йыдал») с холщовыми и суконными онучами («штэр»), праздничные лапти были более тонкого плетения. Зажиточные крестьяне носили сапоги («кем»). Из кожи изготовляли также башмаки, бахилы и другую обувь.

Характерно, что с середины XIX в. в одежде горных, луговых и восточных марийцев стали проявляться заметные различия (цвет, покрой, украшения). Во второй половине XIX в. при изготовлении одежды марийцы чаще стали использовать пестрядь и фабричные ткани. На марийский костюм, особенно мужской, большое влияние оказала русская одежда. Мужчины стали носить полушубки, косоворотки, картузы и другую одежду «русского типа».

Семья являлась основной ячейкой марийской деревни. Главой семьи считался мужчина, его слово было решающим во всех делах. Однако в отношении важных семейных дел он советовался с женой. Замужняя женщина имела немалый авторитет в семье. Крестьянские семьи были крепкими, разводы были очень редки. Обычно в одном дворе проживала одна семья (5-6 человек), но нередко встречались дворы, где было 20-30 человек. Такие большие семьи включали престарелых родителей и 2-3 женатых сыновей с детьми. Марийцы считали, что чем больше детей в семье, тем лучше для хозяйства. Но детская смертность была высокой, выживали лишь наиболее выносливые. На здоровье тяжело отражались разные болезни (чахотка, зуб, глазная болезнь – трахома), кроме того, марийцев часто спаивали торговцы. Во второй половине XIX в. в некоторых местах почти не было прироста населения²³.

Духовная культура марийцев была тесно связана с их языческими верованиями и представлениями. Большим разнообразием отличалось устное народное творчество. Как и раньше, в XIX в. у марийцев бытовали различные сказки о животных, богатырях, волшебниках, героях, красавицах и др. Большое распространение имели исторические мифы об Онаре, «овда калык» и других. Исторические предания о «патырах» (богатырях), завоевании Иваном Грозным Казани, об Акпарсе, Аказе,

Пашкане, Болтуше, Мамич-Бердее и других воспевали мужество и героизм народных заступников. Немало в XIX в. было преданий о разинцах и пугачевцах. Марийские загадки, приметы, пословицы и поговорки отличались меткостью. Душа народа раскрывалась в его песнях. Без песни, пляски и веселья не обходилась ни одна свадьба, ни одна посиделка, ни один праздник. Песни во многом передавали душевное состояние и переживания человека. Нередко они сопровождались игрой на гусях («карш», «кусле»), волынке («шювер»), гармони (с конца XIX в.) и других инструментах. Полными лиризма и любви к природе были трудовые песни, печальными и грустными – песни о крестьянской доле. Тяжелое расставание с родными и родной землей (возможно, навсегда) отразилось в рекрутских песнях. Исторические песни воспевали героизм и мужество, которые проявлялись в наиболее драматические периоды жизни народа. Горные марийцы, например, знали «Марш Акпарса» о временах вхождения марийцев в состав Русского государства и их участия во взятии Казани²⁴.

Важной составной частью культурной жизни марийцев в XIX в. стало распространение христианского просветительства и школьного образования. Введение школьного образования у марийцев, как и у некоторых народов Поволжья и Приуралья (чувашей, мордвы, удмуртов), в значительной мере было связано с правительственной политикой христианизации иноверцев. Первые, не совсем удачные опыты новокрещенских школ XVIII в. показали светским и духовным властям необходимость обучения «инородческих» детей на родном языке в местах их проживания и тем самым добиться внедрения в их языческое сознание основ православной веры. В начале XIX в. в ряде мест с санкции властей приходские священники открыли сельские церковно-приходские училища, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения. Одними из первых стали приходские училища, открытые в Царевококшайском уезде в селе Морки (1821 г., первым учителем был местный священник Я.А.Смирнов, дед будущего известного историка, профессора Казанского университета И.Н.Смирнова, автора первой обобщающей книги о марийцах «Черемисы») и в Козьмодемьянском уезде в селе Малый Сундырь (1822 г., учитель – священник И.В.Померанцев). В них обучались крестьянские дети из марийских семей. На родном языке им преподавали основы православной веры, закона божьего, а также чтение и счет. В 30-е

годы XIX в. марийские школы открылись в селах Ронга, Сотнур, Токтай-Беляк, Юледур и др. Большую христианскую просветительную работу развернул А.А.Альбинский. В ходе реализации киселевской реформы в 40-50-е годы XIX в. были открыты новые школы в селениях Тумью-Мучаш, Старый и Новый Торъял, Нурма, Пектубаево, Шиньша, Косолапово, Великополье, Сернур и др. Учителями в них работали в основном русские (священники, семинаристы, кантонисты, отставные чиновники) знающие марийский язык. Позже в школах появились первые марийские учителя. Это были выпускники духовных семинарий, миссионеры и священники, которые внесли немалый вклад в дело христианского просвещения марийских детей. Были созданы рукописные книги и буквари, переведены тексты священных писаний. Детей обучали читать, писать и считать. К середине XIX в. число марийских школ и количество учеников возросло, однако уровень грамотности (особенно среди женщин) оставался крайне низким. В это время на тысячу человек едва ли приходился один грамотный. Об этом с горечью писал известный ученый и просветитель С.М.Михайлов, одним из первых выступивший за распространение просвещения среди марийцев и чувашей.

Положение со школьным обучением заметно изменилось во второй половине XIX в. По данным всероссийской переписи 1897 г. на 100 человек марийцев уже приходилось 16 грамотных мужчин и 2 женщины (по Казанской губернии). Общее количество школ превысило несколько сотен, а марийских учащихся – несколько тысяч. Стабильно стали готовить учителей из числа марийцев, среди них были и женщины. Согласно закону 1864 г. «Положение о начальных народных училищах», особым правилам «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев (1870 г.) и «Правилам о церковных приходских школах» (1884 г.) в нерусских школах обучение велось на родном языке. Это касалось сельских школ – земских, государственных, а также церковно-приходских училищ, школ «Братства святителя Гурия» и воскресно-повторительных классов. Несмотря на большую нужду и лишения наиболее способные марийцы стремились получить образование. Они уезжали в города и там обучались за свой счет (иногда наиболее одаренным выдавалось казенное жалование). Будущих марийских учителей готовили в Казанской инородческой учительской семинарии (была открыта в 1870 г.), Бирской инород-

ческой учительской школе (открыта в 1882 г.), Уньжинской центральной черемисской двухклассной школе (1894 г.), в духовных академиях и других образовательных учреждениях. Школы получили первые буквари, изданные на марийских (горном и луговом) языках. В 1867 г. в Казани И.М.Кедров издал печатный букварь «Упрощенный способ обучения чтению черемисских детей горного населения», а в 1870 г. Г.Я.Яковлев издал букварь для обучения чтению луговых марийцев. Кроме азбуки, первые марийские буквари содержали православные молитвы и библейские рассказы. В 1892 г. был напечатан «Букварь для восточных черемис» П.П.Ерусланова.

Внедрение школьной системы во второй половине XIX в. имело важное культурно-просветительное значение. Однако многие школы размещались в непригодных, сырых и тесных помещениях, где не хватало света и тепла. Часто в школьных библиотеках было недостаточно книг. Деньги выделялись мизерные, учителя и ученики бедствовали. Но со временем выпускники школ стали заметными людьми, из них вышли видные марийские просветители – С.Г.Чавайн, В.М.Васильев, П.П.Глезденев, Т.Е.Евсеев, Т.Е.Ефремов, Л.Я.Мендияров, В.А.Мухин и многие другие, чья активная общественная деятельность развернулась уже в начале XX в.

Марийским просветителям второй половины XIX в., опиравшимся на систему христианского просвещения инородцев на их родном языке, разработанную Н.И.Ильминским, удалось сделать очень многое. Они создали первые буквари для марийцев, открыли новые школы, начали изучать языческие верования марийцев, их предания, легенды, пословицы и поговорки. Они явились авторами первых научных работ о происхождении марийского народа. Марийские просветители многое сделали для изучения быта, культуры и хозяйственных занятий марийцев. С горечью и негодованием они воспринимали тяжелое социальное положение марийских крестьян, требовали улучшения условий труда для учителей и учебы для крестьянских детей. Будучи выходцами из народа, марийские просветители Г.Я.Яковлев, С.А.Нурминский, И.Я.Моляров, Г.С.Семенов, Н.Я.Смирнов, А.Я.Смирнов, П.П.Ерусланов, Т.З.Удюрминский, А.И.Кидалашев, В.К.Магницкий, талантливые учителя И.П.Ласточкин, В.Л.Лукьянов, С.Я.Петухов, П.В.Кириллова, А.Г.Герасимова и др. внесли неоценимый вклад в просвещение и образование марийцев. Своим подвижничеством трудом они

способствовали развитию марийской культуры, прививали марийцам любовь к родному языку, уважение к соседним народам, помогали сближению марийцев с другими народами²⁵.

Таким образом, крестьянская культура марийцев в XIX в. сохраняла свой традиционный характер, но постепенно впитывала новые элементы и все более становилась открытой. Культурное взаимодействие с другими народами, безусловно, имело положительное значение. В социокультурной и административной системе Российской империи XIX в. марийцы Поволжья и Приуралья, несомненно, занимали свое, особое место.

Примечания

¹ См.: Козлова К.И. Этническая история финноязычных народов России в этнографической литературе 60-х – начала 90-х годов // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1994. Вып.4. С. 4-17; Марийцы // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. (Серия «Народы и культуры»). М., 2000. С. 7-18; 187-329; Этнография марийского народа / Сост. Г.А.Сепеев. Йошкар-Ола, 2001. С. 3-16; Шкалина Г.Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола, 2002. С. 6-15.

² Иванов А.Г. Изменения в этническом и социальном составе сельского населения Марийского края в XVIII в. // Археология, этнография Марийского края (далее – АЭМК). Йошкар-Ола, 1989. Вып. 16. С. 106-125; Марийцы (статист. сборник). Йошкар-Ола, 1992. С. 5.

³ Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 230-339.

⁴ Сепеев Г.А. Восточные марийцы. Йошкар-Ола, 1975. С. 12-20.

⁵ Казимов А.С. Крестьянское хозяйство в Марийском крае в первой половине XIX в. // Из истории крестьянства Марийского края / Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1980. Вып. 44. С. 87-113; Андреев И.А. Развитие системы земледелия у марийцев // АЭМК. Йошкар-Ола, 1986. Вып. 10. С. 20-26; Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974. С. 29-46; Милютин В.Ф. Действительное описание жизни черемис, проживающих в Уржумском округе Вятской губернии (подготовка к публикации, предисловие и примечания А.Г.Иванова) // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2002. Вып. 12. С. 133-152. По свидетельству В.Ф.Милютина «по трудолюбию по земледелию редко можно найти такой народ, как черемисы» (Архив РГО, разряд 14, оп. 1, д. 60, л. 11).

⁶ Сепеев Г.А. Указ. соч. С. 72-77; Этнография марийского народа. С. 32-35; Милютин В.Ф. Указ. соч. С. 138-141.

⁷ Фукс А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840. С. 218-221; Милютин В.Ф. Указ. соч. С. 138; Сепеев Г.А. Указ соч. С. 78-84.

⁸ Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 156-157; Сенников Д. Черемисская ловля рыбы дворами и тетеревей корзинами // Экономические записки. СПб., 1861. № 20; Смирнов И.Н. Черемисы. Казань, 1889. С. 88-89.

⁹ Целлинский Ф. Агрономическое путешествие по некоторым уездам Казанской и Нижегородской губерний в 1855 г. // Журнал Министерства государственных имуществ. 1856. Ч. XI. Отд. 2. С. 17-19; Сепеев Г.А. Указ. соч. С. 84-90.

¹⁰ Казимов А.С. К истории крестьянских промыслов в Марийском крае (первая половина XIX в.) // АЭМК. Йошкар-Ола, 1979. Вып. 4. С. 95-102; Чимаев А.Н. Развитие крестьянской промышленности на территории Марийского края в конце XIX – начале XX вв. // Вопр. аграрной истории Среднего Поволжья: дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С. 91-102.

¹¹ Данилович К.В. Торговый капитал в мелких промыслах Марийского края в пореформенный период // Там же. С. 112-117; Сепеев Г.А. Указ. соч. С. 98-106.

¹² История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1986. Т. 1. С. 126-133; 188-191.

¹³ ГА РМЭ, ф. 3, оп. 1, д. 65, л. 27; ф. 11, оп. 1, д. 45, л. 122 об. – 123, д. 56, л. 21-22; ф. 12, оп. 1, д. 76, л. 1-6; Восстание чувашского крестьянства в 1842 г. Чебоксары, 1942. С. 18-21, 31.

¹⁴ ГА РМЭ, ф. 3, оп. 1, д. 493, л. 40-42.

¹⁵ Восстание чувашского крестьянства в 1842 г. С. 14-17.

¹⁶ ПСЗ. СПб., 1838. 2-е изд. Т. 12. № 10834; Т. 13. № 11189; Т.14. № 12165; Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946: Т. 1; 1958: Т. 2; Кузнецов И.Д. Акрамовская война 1842 г. Чебоксары, 1972. С. 3-42.

¹⁷ Иванов А.Г. Российское государственное управление и общинное самоуправление марийцев во второй половине XIX – начале XX вв. // VI World Congress for Central and East European Studies: Abstracts. Tampere, Finland. 29 July – 3 August 2000. С. 175.

¹⁸ Кузнецов И.Д. Указ соч. С. 25-42; Айплатов Г.Н. Восстание марийских крестьян Уржумского уезда 1887-1889 гг. // Межэтнические отношения и национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII-XX вв.: Тезисы докл. регион. научн. конф., посвященной 90-летию со дня рождения проф. И.Д.Кузнецова, 27-28 мая 1996 г. Чебоксары, 1996. С. 30-31.

¹⁹ Иванов А.Г. Всемарийское языческое моление 1827 г. и действия властей // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 8. С. 48-75; Дела о совершении языческих обрядов и жертвоприношений А.А.Андреевского // Столетие Вятской губернии. 1780-1880: Сб. мат-лов к истории Вятского края. Т. II. Вятка, 1881. С. 533-557; Языческие верования марийцев и действия властей в XIX – начале XX вв. (тексты документов и комментарии А.Г.Иванова) // Весна народов: этнополитическая история Волго-Уральского региона: Сб. документов / Под ред. К.Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2002. С. 64-121.

²⁰ Васильев В.М. Марийская религиозная секта «Кугу сорта». Краснококшайск, 1927. С. 3-84; Таймасов Л.А. Новые документы о деятельности марийской религиозной секты «Кугу сорта» в 80-х годах XIX в. // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2002. Вып. 12. С. 152-157.

²¹ Нечаев С. Религиозное состояние горных черемис Козьмодемьянского уезда // Известия по Казанской епархии. 1874. № 5. С. 150; Попов Н.С. Из истории социорелигиозного движения в Марийском крае в 50-70-е годы XIX в. (по мат-лам Михайло-Архан-

гельского мужского монастыря) // Положение и классовая борьба крестьян Марийского края. Йошкар-Ола, 1990. С. 132-157.

²² Сепеев Г.А. Особенности типологии и планировки марийских селений: Поселения и жилища Марийского края // АЭМК. Йошкар-Ола, 1982. Вып. 6. С. 159-189.

²³ См.: Этнография марийского народа. С. 66-145.

²⁴ См. например: Иванов А.Г. Исторические предания марийцев в трудах М.Н. Янтемира // Краевед-исследователь М.Н.Янтемир. Йошкар-Ола, 1998. С. 38-48.

²⁵ См.: Апакаев П.А. Просветители Марийского края. Йошкар-Ола, 1990. С. 3-174.